

Наталья Бухтиярова

МАМАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ

Наталья Бухтиярова
Мамами не рождаются

«Livres»

2020

Бухтиярова Н.

Мамами не рождаются / Н. Бухтиярова — «Livres», 2020

ISBN 978-5-6043260-3-9

Как стать хорошей мамой? Как не наградить своего ребенка своими же комплексами? Что важно в воспитании? На что можно закрыть глаза? Как провести вечер вместе с детьми? Учитесь на чужом опыте и читайте книгу «Мамами не рождаются». Здесь нет рецептов воспитания, так как их просто не бывает. Здесь описана жизнь одной мамы, имеющей педагогическое образование, и ее двух детей. Вы прочтете в живых и юмористичных рассказах о том, как мамы учатся быть мамами, какие уроки преподносят нам дети, как не навесить на себя ярлык «я плохая мать», как сохранить теплые взаимоотношения в семье. Это сборник рассказов из реальной жизни, написанный не только для мам, но и для совместного семейного чтения. Да, он интересен даже детям начальной школы. Они будут слушать рассказы про девочку и мальчика, таких похожих на них, а взрослые будут вспоминать свое детство, своих детей и сравнивать свой опыт с опытом автора. Проведите вечер вместе, прочтите эту книгу, улыбнитесь историям из чужой жизни, вспомните свои. Поверьте, это полезно для каждого.

ISBN 978-5-6043260-3-9

© Бухтиярова Н., 2020

© Livres, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Наталья Бухтиярова

Мамами не рождаются

© Наталья Бухтиярова, 2020

© Издание. Проект Livres, 2020

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ, для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав.

Выпускающий редактор: Ю. Гавриш

Редактор: О. Соломатина

Иллюстратор: К. Анастасин

Корректор: Е. Орлова

Вещь чудесная – детская голова.

Ответы ищет она, а не вопросы.

«Звездные войны». Эпизод II «Атака клонов».

Глава 1

Все девочки мечтают...

Любая мама когда-то была маленькой. Да, да, все мы рождаемся, растем и вырастаем до момента, когда становимся родителями. Но, пока ты не вырос, представлять свою маму маленькой странно. Я, например, всегда любила ее рассказы о детстве. В них она была ребенком, ходила в школу, мечтала о платье, ела вишню и бабушкины пирожки – она была почти как я. И это было невероятно! Мне нравились эти истории больше, чем сказки о Золушке, Красной Шапочке, Дюймовочке и разных принцессах. Я любила вечерами забираться к маме в кровать и просить:

- Мам, расскажи мне историю.
- О чем?
- Как ты была маленькой.
- Но я обо всем уже рассказала.
- Расскажи еще.

И вот моя взрослая мама, работающая в институте, умеющая читать мне самые интересные и самые толстые книжки, начинала вспоминать свое детство...

Скажу по секрету, что и я тоже была маленькой до того, как стала мамой. И я всегда знала, что настанет момент и у меня будут дети. Любая девочка знает об этом.

Вы скажете, что тетя Катя, которая иногда приходит к вам в гости пить чай, не хочет детей. Она модная и деловая, у нее есть работа-праздник, где она работает-работает как белка в колесе, где ее не ценят, не ценят, а она одна все делает и делает. Это так сама тетя Катя за чашкой чая всем рассказывает. Детей у нее нет. И она говорит, что свободная и лучше заведет собаку.

Так вот, тетя Катя просто забыла, что, когда она была маленькой, играла в куклы и мечтала когда-то стать настоящей мамой. Самой лучшей мамой на свете. Никто ведь не мечтает стать плохой мамой, потому что это неправильные мечты.

Хотя, возможно, есть девочки, которые никогда не играли в куклы и не хотели быть мамами, но эта книжка точно не о них. Она о тех, которые хотели когда-то стать мамами.

Я тоже мечтала. В моих мечтах мою дочку звали Дианой, а сын был Артуром. Мне хотелось, чтобы они выросли принцессой и принцем. Но это была глупая мечта. Даже давно, когда я была маленькой, принцев и принцесс в нашей стране не было. Тогда были октябрята, пионеры, комсомольцы и просто уважаемые взрослые.

Прошло время. Октябрят, пионеров и комсомольцев в нашей стране уже нет, но уважаемые взрослые все же еще остались. Я выросла, окончила школу, поступила в институт, вышла замуж, и у меня родились сначала дочь, а потом – сын. Принцессой и принцем они стать не могли, поэтому стали Надей и Лёником.

И вот о том, что мечтать быть мамой и быть ей – разные вещи, я и расскажу в этой книге. А еще расскажу о том, как мои дети учили меня быть их мамой.

Глава 2

Часто мамы бывают растеряны

Мама со стороны всегда кажется уверенной, смелой, умной и самой надежной. Если она рядом, то ничего страшного с тобой не произойдет. Так думают все дети. Но на самом деле мамы очень часто не знают, что им делать.

Нет, мы, конечно, «держим лицо» и никогда не покажем своим малышам, что растеряны или что нам очень страшно. Любая мама знает, что она добрая фея, которой горы по колено.

Когда у меня появилась дочка, которую мы все дружно решили назвать Надей, мне было очень страшно.

Первый раз мне было страшно, когда на третий день своей жизни Надя начала икать. Она икала громко, подпрыгивая при этом всем тельцем, завернутым в роддомовскую пеленку, и не собиралась заканчивать. А я смотрела на нее и не знала, что делать. Сначала ждала, что икота пройдет сама. Но она не проходила. Тогда я решила выйти в коридор и подождать, – вдруг она пройдет без меня. Но и в коридоре я слышала, как Надюшка икает. И тогда я начала плакать. Хорошо, что вышла из палаты, Надя так и не узнала, что ее мама бывает беспомощной. По коридору шла медсестра, которая, наверное, привыкла к таким ревушим мамочкам. Она улыбнулась, увидев мои всхлипывания, и просто сказала:

– Так. Дайте ей попить.

– Но мы ведь не дома, у нас нет бутылочки и воды.

– А я вам сейчас дам.

С этого момента я перестала бояться детской икоты.

Но я боялась спать в темноте. Мне казалось, что, как только я выключу ночью торшер, дочка обязательно испугается темноты. Кроме того, приглушенный свет всегда давал возможность видеть малышку в кроватке, если вдруг мне понадобилось бы проверить, как она. Сейчас я понимаю, что проверять никого не надо было, Надя тогда и переворачиваться-то не умела с боку на бок, она бы точно никуда не сбежала. Но я боялась до тех пор, пока Надин папа через полгода не сказал:

– Дорогая, мне одному кажется, что свет торшера мешает спать? Должен заметить, что мешает он спать не только мне, но и дочке. Уверяю, она бы меньше просыпалась, если бы твоя лампочка не светила нам в глаза.

Так я научилась спать в темноте.

Когда дочка подросла, я стала бояться, что она упадет, ударится, разобьет себе нос или голову. Я боялась ее самостоятельности, постоянно говорила «нельзя». Надя не обращала внимания на это слово и лезла к горячей плите, проверяла розетки, играла кнопками стиральной машины и делала все остальные вещи, которых так боятся мамы.

Я устала все время за ней следить, вытаскивать из углов и подхватывать на лету. Забыла, что такое сесть за стол и тихо пообедать, я засыпала в душе от усталости и честно думала, что больше никогда в жизни не смогу посмотреть ни один фильм по телевизору, потому что у меня всегда не было времени и я всегда хотела спать. Но был один чудесный момент. Надин папа никогда не произносил слово «нельзя», но Надя не делала с ним тех вещей, которые сильно пугали меня. Казалось бы, рецепт счастья найден: пусть за дочкой смотрит ее папа. Но звезды сложились в нашей семье так, что он днями работал, а Надя все эти дни пугала меня.

Сначала я держалась гордо и не отчаивалась найти к дочке свой подход, как-никак это я читала толстые книги по педагогике, а ее папа любил почему-то читать толковые словари на испанском и английском языках. Честно, я не знаю, как можно просто читать словарь, где нет никакого рассказа, но такое чтение точно открывало завесу общения с годовалым ребенком. Когда я наливала манную кашу не в тарелку, а в стакан и при этом никак не могла понять, почему мне так неудобно это делать, я осознала, что надо просто спросить мужа о секрете хорошего поведения дочери с ним и перестать волноваться. Запреты лишь подогревали любопытство, да и с каждым днем этих «нельзя» становилось больше и больше, а спокойствия меньше и меньше. И я спросила:

– Милый, что ты говоришь Наде, чтобы она не лезла к работающей плите?

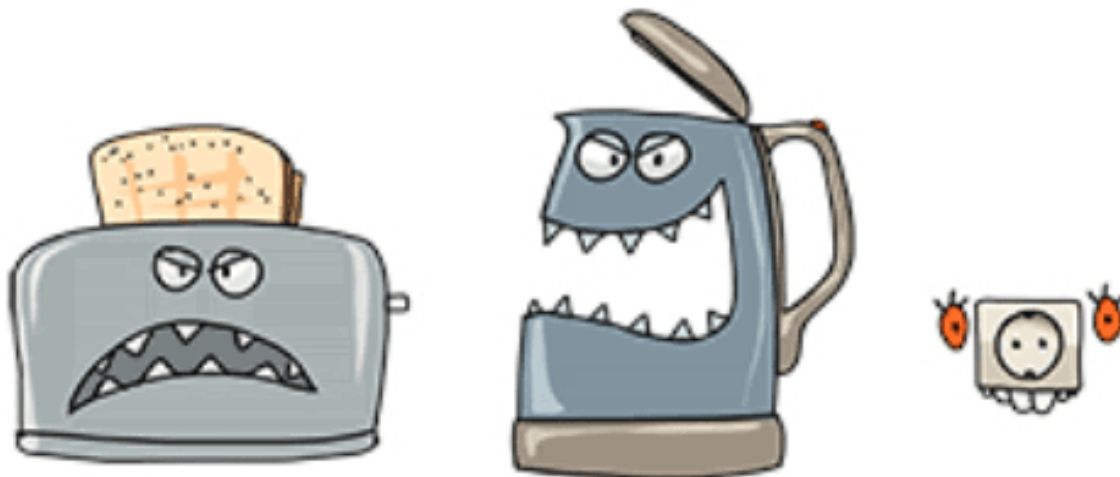
– Это непедagogично с моей стороны, и тебе это вряд ли понравится, но зато Надя это хорошо понимает.

– Так что?

– Я говорю, что плита горячая и кусается, и тихо щиплю дочь, прибавляя, что в другой раз плита укусит сильнее. По всей видимости, сильнее Наде не хочется. И она не подозревает, что это делаю я. Уверю тебя, дорогая, это всегда делает плита.

– А что ты говоришь, чтобы она не лезла к розеткам?

– Напоминаю ей про плиту и говорю, что и розетки кусаются. Если дочь все же хочет проверить это, то приходится щипать.

Щипать Надьку я не стала. Решила, что от ее папы щипков достаточно. Но, видимо, «куса-честь» опасных предметов запомнилась быстро, Надя вообще перестала к ним лезть. А я перестала бояться, что дочь получит ожог или травму от электричества.

Когда родился сын, я придумала новые страхи. Все-таки он у меня был первый раз, а значит, и страхи были свежими. Прежде всего я боялась, что не смогу воспитать мальчика. Я ничего не понимала в машинках, танках, пистолетах, мячах и велосипедах, ощущала себя абсолютно непригодной для воспитания мальчика. Я не могла себе представить, о чем буду говорить с сыном, когда он сможет поддерживать разговор. Волновалась, постоянно думала об этом и была хмурой.

Теперь уже отец двоих – Нади и Лёника – заметил это и спросил:

– Дорогая, что тебя тревожит?

– Я боюсь, что буду плохой мамой для сына. Не знаю, что с ним делать! Я не знаю, как учить играть в машинки и гонять с саблей по двору.

– И это вся твоя проблема? Главное – не мешай ему расти.

Я подумала и перестала бояться, что не справлюсь. Поверила, что хорошие мальчики растут сами, если хорошие мамы не слишком вмешиваются в этот процесс.

И как только я поняла, что смогу быть хорошей мамой, стала думать, что сын вырастет и перестанет меня любить. Я была уверена, что взрослые мужчины любят жен, детей и практически забывают своих мам. И если раньше такое положение дел не вызывало у меня отрицательных эмоций, то теперь я была категорически против, чтобы сын вдруг вырос и перестал меня любить. Одним словом, я решила посоветоваться с отцом своих детей. Как-никак он мужчина и должен знать, какую маму любят всю жизнь.

Выслушав мои страхи, о которых я говорила долго и путанно, он сказал:

– А что, собственно, тебя беспокоит?

– Меня беспокоит, что Лёник вырастет и перестанет меня любить.

– Тут нечего беспокоиться, именно так и бывает, – и, увидев слезы в моих глазах, добавил: – Он не перестанет любить, но будет любить меньше.

– И что же мне делать?

– Просто наслаждайся его любовью, пока он маленький. Сейчас кроме тебя он никого любить не будет. А потом ты будешь это вспоминать, когда мы состаримся и будем лишь вдвоем пить чай вечерами в нашем тихом уже доме.

Нельзя сказать, что для меня нарисованная перспектива была заманчивой. Она была катастрофической, как и для любой мамы. Но иногда принять правду жизни надо именно для того, чтобы наслаждаться каждым днем, запоминать их и складывать в копилку своих воспоминаний.

Вообще, мамы любят придумывать страхи и потом бояться. Мы так учимся быть мамами, потому что сначала не умеем пеленать малышей, петь им колыбельные, не спать ночами, мерить температуру, спасать от отита и коклюша. Мы даже слов таких не знаем, если честно. Ни одна девочка не подозревает, как трудно быть настоящей мамой. Ведь дети не куклы, они хотят на ручки, когда мамы хотят спать, у них режутся зубки, и им больно, когда мамы с удовольствием бы почитали книжки. Они хотят бегать по лужам, а мамы не хотят их потом лечить и не разрешают бегать по этим лужам.

Но все эти трудности учат нас быть мамами. А еще они временные, потому что пройдет не так много дней и ночей, дети вырастут, и с ними можно будет вместе ходить в кино, пить кофе в кафе, кататься на коньках, играть в шахматы и делать много других взрослых дел. Но, когда мы уже умеем быть мамами, а наши дети уже выше нас, нет-нет да и взгрустнется, что наш малыш вырос и уже сам моет руки после прогулки, а не кричит на весь подъезд, подходя к квартире, что он чистый, протестуя таким образом перед обязательным мытьем рук.

Глава 3

Мама очень стараются быть хорошими

Я уже говорила, что все мамы мечтают быть самыми лучшими. И они очень стараются. Иногда слишком. Наверное, каждый хоть раз в жизни замечал, что при очень большом желании можно перестараться. Например, праздничный торт может пригореть именно в самый значимый праздник. Так и с детьми.

Когда у меня родилась дочь, я честно пообещала быть самой хорошей мамой на свете. А еще я пообещала, что моя дочь будет лучше всех читать, писать, считать, петь, танцевать... Сейчас уже все и не вспомню, но список был большой.

Наде не повезло, ее стали воспитывать и учить с пеленок. Мало того, что я наобещала кучу всего, я еще была и учительницей. И именно учительница во мне говорила, что надо купить вот эту разрезную азбуку, вот эти кубики с буквами, этот букварь и еще вот этот букварь.

Надя заговорила рано, в два она болтала как мы с вами сейчас. Никто даже не подозревал, что ей так мало лет. А как только она заговорила, я стала учить ее читать. В три года Надя знала весь алфавит, в четыре читала по слогам, в пять читала слова. Но она не любила читать и не полюбила потом.

Когда Наде исполнилось шесть лет, я решила, что пришла пора учить ее музыке. Почему мой выбор пал на музыку? Ответ очень прост: я повторила в миллионный раз ошибку почти всех родителей. Навязала свою мечту своей дочке.

В детстве я мечтала уметь играть на пианино. Именно на пианино, а ни на каком-нибудь другом инструменте. Мне казалось, это невероятно красивым, когда руки бегают по прохладным клавишам и эти плавные движения извлекают из инструмента удивительную мелодию. Я как-то видела и слышала в гостях, как дочка хозяйки, ученица средних классов, играла для нас «Болельщик куклы» Петра Ильича Чайковского. Это было трогательно, красиво и очень печально. Под эту мелодию кукла болела смертельно, она еле дышала, и мне казалось, что ее так и не удалось спасти.

Музыка настолько запала в душу, что я стала навязчиво мечтать научиться играть так же. Мама моя поняла силу моего желания и даже согласилась, хотя пианино для моей семьи было дорогим удовольствием, но сначала надо было поступить в музыкальную школу. А там обрубили все мои мечты, сказав, что у меня абсолютно нет слуха. Я еще раз потом ходила на прослушивание. Тайно надеялась, что учитель в первый раз все же ошибся. Но вердикт не изменился. Мне был вынесен приговор – не способна творить чудеса. И я с этим вердиктом жила. Родив дочь, я заметила, что она точно не в меня, слух у нее был с рождения, как потом оказалось, абсолютный. И я стала снова мечтать, что красивая музыка и прекрасный инструмент с прохладными белыми и черными клавишами станет жить в нашем доме.

Однако я понимала, что это серьезный шаг и что ребенок должен на него согласиться сам, поэтому пришлось говорить начистоту. Мне нужно было сделать предложение так, чтобы Надя захотела играть. Ведь слух был у нее, а не у меня, и это я хотела заставить ее воплотить в жизнь мою мечту.

Кроме того, я понимала, что, если Надя не согласится, я не смогу ее заставить. Дочь всегда отличалась сильным и упрямым характером. Но дав слово, она будет вынуждена его сдержать. Уж так принято в нашей семье.

– Надюшечка, давай мы купим тебе пианино, и ты научишься на нем играть. Будет здорово, когда вечерами ты нам с папой и Лёником будешь устраивать концерты, – как бы невзначай сказала я однажды вечером.

– Давай, – ответила ничего не подозревающая Надя.

Этот ответ обнадеживал. Надя не была явно против. Не могу сказать, что я ожидала иного варианта развития событий. Ведь я до сих пор убеждена, что невозможно не хотеть уметь играть на этом инструменте. Он поражает воображение, особенно детское.

– Надя, только учиться играть на пианино – это очень-очень трудно, – заметила я.

Надя помолчала, а потом спросила:

– Тяжелее, чем читать букварь?

– Тяжелее. И если ты согласишься, то надо будет доучиться до конца, а это семь лет.

Надя еще немного помолчала и сказала:

– Я согласна.

Так у нас в квартире на шесть лет поселилось черное пианино. Дважды в неделю все эти годы к нам приходила Элеонора Викторовна и учила мою дочь нотной грамоте и игре на фортепиано.

Надя оказалась одаренной, но неусидчивой. У нее были все предпосылки для хорошей музыкальной карьеры: голос в две октавы, абсолютный слух, врожденное чувство ритма, необыкновенная техника и быстрота пальцев. Элеонора Викторовна говорила, что за ее 20-летний педагогический стаж, это вторая такая виртуозная по быстроте ученица. Школьная учительница музыки не давала мне проходу, требуя отдать дочь на хор. Она постоянно говорила, что у меня дома самородок, который точно покорит мир.

Но у этого самородка не было желания и умения трудиться. Все музыкальные способности были даны ей от рождения, ей не надо было прикладывать усилий, чтобы взять ноту, что-то трудное сыграть. Она так и играла на слух, ленясь учить ноты, и года три у нее это хорошо выходило, потом пришлось прикладывать усилия.

Учиться музыке оказалось намного сложнее, чем учиться читать, и мы с Надиным папой каждый день слушали концерты дочери. Правда, это было личное соло в знак протеста, что она не будет делать уроки.

Мои мечты о семейных субботних вечерах, когда Надя, как та девочка из моих детских воспоминаний, будет играть нам Чайковского, так и остались мечтами. Надя играла с неохотой, только делая домашнее задание. Это была дань когда-то данному обещанию. Безусловно, я это понимала. Но надеялась, что она подрастет и полюбит играть. Я все равно с восторгом смотрела, как ее маленькие ручки бегают по клавишам. Для меня это так и осталось чудом. А она умела это чудо творить, у нее была эта способность.

Постепенно все привыкли. Надя научилась делать уроки за 15 минут. За это время умудрялась по пять раз отыграть пять пьес. Ее пальцы просто порхали по клавишам. Техника действительно была невероятной. Но самое невероятное было в том, что секрет этого мастерства скрывался в лени. Нади было лень долго делать уроки по музыке, она торопилась отделаться. И никаких других желаний у нее не было.

Я привыкла не мечтать вместо дочери. Ведь мои мечты так и не стали ее. Она мечтала о другом, ведь все девочки мечтают. Но о чем, я не знаю, мне дочь не рассказывала. Так и жили, пока Надя не приняла важное для себя решение бросить музыку. Она была в шестом классе, когда как-то за ужином спокойно сказала:

– Родители, а пианино в моей комнате мое?

– Твое, – дружно сказали мы.

– Тогда я его продаю. Поставлю объявление в интернете, а взамен куплю себе телевизор.

Я помолчала, оценивая ситуацию. Это не было неожиданностью. Наоборот, Надя училась дольше, чем я ожидала. Я была готова к такому, но не была готова к ее самостоятельной торговле нашими вещами. И я сказала:

– Нет уж. Пианино все же продадим мы, ты еще мала для этого.

Так одаренная Надя перестала учиться музыке и никогда уже потом не вспоминала, что целых шесть лет умела играть Баха, Бетховена, Шуберта и даже джаз.

Вы спросите – вспомнила ли я? До сих пор вспоминаю, как она умела исполнять своими маленькими пальчиками невероятно красивые мелодии, хотя чаще я слушала это из кухни или коридора, потому что дочь не давала для нас домашних концертов.

А еще я тогда боялась ее решения бросить и ничего не делать. Мамы не любят, когда дети ничего не делают. Мы боимся, что вы заполните свободное время бесполезными или вредными занятиями. Например, свяжитесь не с той компанией. Я тогда говорила мужу:

– Меня беспокоит, что Надя бросила музыку и ничего не делает. У нее появилось время, надо ей что-то предложить взамен.

– Не трогай ее. Иногда полезно просто лежать на диване и смотреть в потолок. Когда ей это надоест, она решит, куда потратить свое время. И если ты правильно все делала до этого, то она найдет полезное занятие.

И он оказался прав. Надя научилась играть на гитаре. Но все равно не давала для нас домашних концертов. Она не любила и не любит публично выступать. И поет она очень красиво, но исключительно в глубине души. Хотя что я могу знать о пении со своим абсолютно нулевым слухом? Лишь то, что мне нравится, возможно, потому что поет моя дочь.

Глава 4

Когда мамы не стараются, дети все равно вырастают

Моему сыну Лёнику повезло больше. Его не учили, он рос почти как лопух, то есть как сам хотел.

Во-первых, рано учить сына было бесполезно. Он у нас не разговаривал до трех лет. Был молчуном: молча играл, молча строил башни из кубиков, молча собирал пазлы, молча лепил из пластилина, молча слушал сказки. Лёня делал все, что делают дети, но при этом не говорил. Его никак не раздражала невозможность с нами общаться. Свои проблемы он с пеленок решал сам. Если сын хотел печенюку, то ставил стул у нужного шкафа, залезал на стул, потом – на столешницу, а затем открывал шкаф и доставал свой приз. Если сыну нужен был йогурт, то он ставил стул у холодильника и повторял весь алгоритм действий. Одним словом, Лёник получал желаемое молча, и никто ему не говорил, что время полдника не пришло, что печенюка перебьет аппетит и ее сейчас нельзя есть. Все в нашем доме было тихо и спокойно: мальчик сыт, и все довольны.

Во-вторых, Лёне повезло с мамой. Нет, у него мамой, как и у Нади, была я. И я все еще была учительницей. Но я учила Надю, и у меня не было времени на сына. Я была занята вечным воспитанием и обучением дочери. А так как она не хотела воспитываться и находить время на занятия со мной, то это был бесконечный процесс. На Лёню сил не оставалось. Я, конечно, чувствовала угрызения совести, но позволяла себе думать, что он еще маленький и я все наверстаю. «Вот научу всему Надю и буду учить Лёню», – думала я.

Тем временем Лёня просто рос обычным ребенком. Ему не покупали кубики, азбуки и буквари, ему все это досталось в наследство от Нади, и он просто иногда в это играл. Что-то спрашивал, чему-то учился в саду и выучился. Лёник начал читать в пять, и при этом его никто не «мучил» специально.

Я была очень горда сыном, потому что на открытых уроках в саду он читал, считал, отвечал на вопросы и вообще был умным мальчиком. Я не ожидала, что настолько умным. Ведь я этому его не учила! Мы не спорили дома по поводу того, что на пальцах считать нельзя, я не нервничала по причине того, что он неправильно держит карандаш в руке, я не думала, что пора объяснять ему про гласные и согласные звуки нашего алфавита. Но пока я была занята, сын без меня обучился в саду. И хорошо обучился. Пришлось смириться, что детей учат не только мамы и что умные дети могут учиться и без нас. А в результате сын умеет самостоятельно учиться и любит читать. Он прочитал больше книг, чем я.

Вообще мамы не должны мешать детям становиться самостоятельными. Детям надо верить. Верить, что они справятся сами, а если не справятся, то попросят помощи или научатся позже. Хотя особо упрямые дети всё же любят быть независимыми.

Как-то мой сын в четыре года нашел в журнале «Мурзилка» выкройку лисы, которую надо было вырезать и склеить по инструкции. Лёник любил мастерить, а еще читать инструкции и не любил, когда ему помогают. «Я сам», – всегда повторял он и никогда не скучал наедине с собой. У него всегда было дело: построить гараж, оторвать плитус, размазать пластилин по столу, вырезать картинки из журнала и много всего остального жизненно важного.

И вот, найдя инструкцию по склейке бумажной лисы, сын молча взял ножницы, клей и принялся за дело. Он тихо сопел и старательно что-то делал, а когда вечером его папа пришел с работы, выбежал к нему в коридор со склеенной поделкой.

– Папа, смотри, что я сделал! – радостно протягивая бумажную лису, воскликнул сын.

Мой муж, который тоже любил и до сих пор любит все делать сам, критически осмотрел дело всего вечера и заметил:

– Лёник, ты ошибся. Вот это надо было склеить по-другому, а эту деталь приклеить вот сюда.

В своей точности он был прав. Сын опустил голову и тихо сказал:

– Я как смог, папа...

И, знаете, ведь самое важно, что он смог! Да, эта лиса у него вышла неправильная, но он склеил ее в свои четыре года абсолютно самостоятельно! Он ни разу не попросил помощи. Это была неправильная, но узнаваемая лиса. А сколько из вас ждали помощи от мамы или от бабушки, чтобы завязать шнурки, застегнуть пуговицы, сделать уроки или даже подарок самой маме? Нет, в жизни важно учиться самим. А еще важно, чтобы мамы не лезли со своей помощью, ведь мы же хотим, чтобы наши дети стали уважаемыми, самостоятельными и успешными взрослыми.

И я думаю, что папа Лёника тоже был прав, указав на ошибки. Нельзя просто восторгаться тем, что делают дети, надо всегда быть честными. Если взрослые честны с малышами, то те это знают и не обижаются. Папа хотел, чтобы сын не ошибся в другой раз, чтобы он знал, как надо.

Когда Лёник пошел в школу, он делал уроки самостоятельно. Быстро, не очень аккуратно, но сам. Сначала я проверяла его тетради, пыталась заставить что-то исправить. Конечно, я, как любая мама, хотела, чтобы сын учился на пятерки. К счастью, у меня не было мечты делать из детей отличников. Это мечту я воплотила в жизнь сама, и я точно знала, что отличником быть тяжело. Нет не потому, что трудно учиться, это как раз-таки интересно, а потому, что у отличников практически всегда нет друзей. Их не любят одноклассники. И я помнила, как это обидно. Просто хотела, чтобы дети знали школьную программу почти на отлично. Я же знала, что они способны это сделать. А я все-таки ценю в людях ум и образованность, и, естественно, я хотела ценить в будущем и своих детей.

Но мои попытки заставить Лёню что-то исправить чаще всего ни к чему не приводили.

– Лёня, подойди ко мне, у тебя здесь ошибка, – строго говорила я.

Сын подходил и смотрел.

– Вот здесь и здесь исправь, пожалуйста.

Но Лёник уже закончил делать уроки. Мысли его были уже о футбольном мяче во дворе, он уже забивал его мысленно в ворота, и все мальчишки уже гордились его голом... Поэтому меня сын слушал вполуха, ему было лень что-то исправлять, и он честно заявлял:

– Пусть будет так. Вдруг не заметят.

Надо сказать, что первая учительница сына всегда и все замечала, но он каждый раз надеялся, что чудо случится. Почему я не ругала сына и разрешала ему оставлять ошибки в тетрадке? Потому что это была его тетрадка и исправлять в ней что-то должен был он. Ну и ошибки были не всегда, и было их немного. Лёник все же был старательным мальчиком в момент, когда уроки занимали его мысли.

Возможно, будь он другим и не усваивай он материал в классе, я бы заставляла, ломала его характер, учила бы и требовала, но этого не случилось. Все-таки маме важно помнить, что она уже имеет аттестат об окончании школы, а часто еще и диплом вуза и что она не должна учиться вместо своих детей. А еще важно помнить, что даже плохая успеваемость в школе ребенка не делает его плохим. Мама любит всегда. Мама может помочь, она даже должна помочь. Но иногда надо просто понять, что твой ребенок никогда не будет Моцартом, Эйнштейном, Толстым или Ньютоном, но он всегда будет твоим любимым ребенком, а еще он точно станет собой. И это для мамы и для ее детей важнее всего.

Глава 5

Дети бывают упрямее мамы

Когда я только училась в институте на учителя, я изучала педагогику. А это наука о том, как воспитывать детей. Я тогда еще не была мамой, и мне казалось, что все просто, что на все возможные вопросы я уже прочла ответы умных ученых и все нужное знаю.

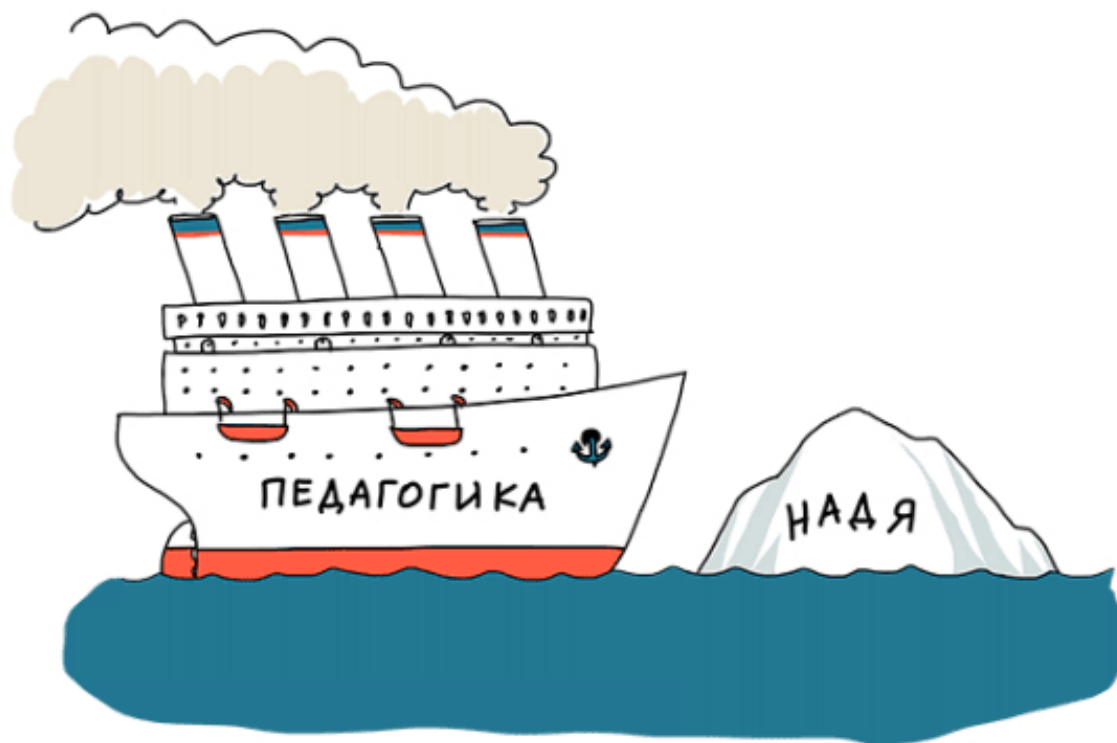
Когда я видела орущих детей в магазине, требовавших у мамы что-то срочно купить, то пожимала плечами, думая, что те мамы не умеют воспитывать своих детей. Когда я видела непослушных детей в грязной луже, вымазанных от макушки до пят жидкой грязью и упрямо отказывающихся выполнить призыв своих мам и выйти на незатопленный берег, я гордо понимала, что эти мамы педагогику не учили. Когда я слышала рассказы, что у кого-то сын или дочь учится на двойки, то мысленно обвиняла в этом мам, которые не способны помочь своим детям.

Когда я стала мамой, то поняла, что наука педагогика никак не связана с реальной жизнью, что каждой маме достается уникальный ребенок и все педагогические приемы рассыпаются в прах, если он не хочет их замечать. Должна сказать, что у меня вообще возникло стойкое убеждение, что все эти многоуважаемые ученые-педагоги никогда в своей жизни не видели настоящего ребенка.

Говорят, если ребенок плачет, надо переключить его внимание. Ха! И еще много раз ха-ха-ха. Есть дети, которые, если что-то запало им в мысли, непременно это сделают. Вот что хочешь им говори, торгуйся, ругай или наказывай, они это сделают.

Столкнувшись с подобным в собственной жизни, я была обескуражена. Как такое возможно? Как воспитывать? В умных книгах, написанных уважаемыми учеными с мировым именем, которые работали в школах и воспитали много-много послушных детей, говорилось – если будешь делать так, то получишь такой-то результат. Если будешь делать иначе, результат будет другой. Но в жизни, что бы я ни хотела получить и как бы я ни действовала, результат не менялся – было так, как хотела моя дочь. Да, именно с Надей произошел крах всех мировых педагогических систем. На ней не сработала никакая методика воспитания.

Сначала я решила, что я бездарная мать и педагог. Потом вспомнила, что у меня красный диплом, что я отлично проходила практику с чужими детьми, и засомневалась в собственной бездарности. После я сделала очень простое открытие – книжный мир и реальная жизнь мамы с детьми могут не совпадать. Просто иногда у таких мам, как я, рождаются внесистемные дети. Это хорошие дети, просто у них очень хорошая память и они всегда помнят, что хотят.

Моей дочке было полтора, когда я, ее бабушка и моя сестра Аня шли с рынка, неся сумки с продуктами и толкая перед собой коляску с Надей. Мы купили фруктов и овощей, а Надя выпросила большую красочную вертушку на палочке. Это не была одинарная вертушка, это был круг с закрепленными на нем разноцветными ветрячками. Когда ветер дул, эти ветрячки вертелись и поблескивали на солнце своими лопастями из фольги. Было красиво. Казалось бы, сиди в коляске, держи вертушку, любуйся ветрячками и представляй другие миры. Я бы, во всяком случае, так и делала. Но Надя по неизвестным мне причинам решила выкинуть вертушку. Она бросила ее, мы подняли и положили ей в коляску. Она бросила во второй раз. Мы опять подняли и вернули ей. На третий раз вертушку не возвращали, ее понесла Аня. А Наде это не понравилось, и она стала капризничать и кричать:

– Это мусор! Аня, брось мусор!

На что бабушка серьезным тоном заявила, глядя на внучку:

– Ничего себе мусор нашла! Такой дорогой!

Надя притихла, подумала, а потом всю дорогу кричала:

– Аня, брось дорогой мусор!

То есть бросить надо было в любом случае, правда, мы этого тогда не сделали.

Но был и другой случай, когда я сдалась и Надькино упрямство победило. Правда, зря это сделала, так как тихо дома все равно не стало. Но расскажу по порядку.

У Нади только появился брат Лёник. Он был маленький, ничегошеньки не умел делать и был самым спокойным и спящим ребенком на свете. Надя была самым беспокойным и неспящим трехлетним ребенком на свете, и она не очень-то обрадовалась новому жильцу в нашем доме. Сначала она пыталась брата подарить. Любому знакомому, с которым мы встречались, Надя говорила:

– А хотите, мы вам братика подарим? Он хороший. Не плачет. И зовут его Лёнчиком.

Лёнчик в это время обычно мирно сопел в коляске и не подозревал, что сестра решает участь всей его жизни. Как бы то ни было, Лёника подарить никому не удалось, он остался жить с нами, и Надя смирилась. Я же бесконечно была этому рада, потому что мамы всегда любят своих детей, любят с ними жить и никогда никому не отдадут.

И вот к моменту, когда Надя смирилась, я сделала красивый детский фотоальбом. Делала его с любовью, потратив на это несколько детских сончасов, заполнив все строчки про вес и рост новорожденных, их бабушек и дедушек. Получилось очень даже симпатично. Я сидела на кухне, пила чай и любовалась содеянным. Лёник спал, а Надя пришла ко мне. Мы посмотрели альбом вместе, а потом дочери захотелось оторвать все приклеенные фотографии. Безусловно, я была против и не дала альбом, убрав его на верхнюю полку книжного шкафа. Я тратила время, сделала красиво и была не намерена уступить детскому капризу, хотя понимала, что меня будут брать измором.

Трехлетняя Надька закатила истерику. Она лежала на полу и выла с причитаниями: «Дай, я хочу все оторвать!». Я не обращала, как учили педагоги, на истерику никакого внимания, допила чай и стала заниматься своими делами. Надькин вой разбудил брата, и у меня стало еще больше забот.

Безусловно, периодически во мне поднимался гнев на орущего ребенка. Но я понимала, что этой девочке лишь три года, что она маленькая. Хотя иногда так хотелось общаться с ней на равных, но смогла я это сделать лишь лет так через 15. И не стоит спешить, скажу я вам. Ждите, когда дочь или сын повзрослеют. Пока они не «дозреют» до этого состояния, не надейтесь на взрослые поступки. Когда мама воспринимает детей именно как детей и не имеет неоправданных ожиданий, она меньше испытывает разочарований.

Дочкина истерика по поводу фотографий длилась около трех часов. Она иногда достигала пика по своей громкости, иногда стихала (ведь надо было сделать передышку и самой Надьке), но не прекращалась. Через три часа я сдалась, у меня разболелась голова, мне было уже не жаль красивого фотоальбома, и я была согласна пойти на поводу у дочери ради тишины. Я отдала альбом. Но этим поступком «купила» лишь 30 минут спокойствия. Ровно через этот промежуток времени дочь оторвала все фотографии, посмотрела на содеянное безобразия и устроила истерику с требованием, чтобы я все приклеила обратно.

Судя по тому, что я пишу эту книгу о своих детях, мы тогда все выжили. Вечером я попыталась объяснить Наде, что она вела себя плохо.

– Надя, хорошие девочки так себя не ведут, они не расстраивают маму, они ее радуют. И мамы очень любят таких девочек, – сказала я.

Надя посмотрела на меня своими тогда еще голубыми глазами и ответила:

– Какую родила, такую и люби.

И мне стало стыдно, что я на нее сердилась. К сожалению, я часто сердилась на дочь и ругала ее. Требовала хорошего поведения и послушания, а Надя часто просто хотела делать то, что не разрешали. Сейчас я бы была мягче, я бы не так настаивала на определенных правилах, понимая, что можно отступить. Но тогда я была молода и лишь училась быть мамой. Мне казалось, надо придерживаться определенной линии воспитания. А еще иногда просто уставала и хотела тишины и покоя. Настаивала, что в девять вечера надо лежать в кровати не просто потому, что такой детский режим рекомендуется врачами, но и потому, что в десять вечера я хотела в тишине сесть в любимое кресло и, открыв любимую книгу, тихо сказать: «Выжила».

Да, иногда будни мамы с маленькими детьми похожи на выживание. Но это пройдет, усталость забудется, дети вырастут, и даже воспоминания будут исключительно счастливыми.

Глава 6

Мечта о брате

Наши дети неповторимы. У каждой мамы свой особенный ребенок. И если у нее двое, трое, четверо или пятеро детей, то каждый из них все равно единственный в своем роде. И даже близнецы для своей мамы разные, она видит особенности каждого и никогда их не спутает. Но это знают мамы, и не всегда об этом догадываются их дети.

Дети переживают, что мама не видит их достижений, что она чаще целует младшего брата или сестру, что мама больше хвалит соседских детей. Они волнуются, что их любят недостаточно крепко.

А еще очень часто дети мечтают о братике или сестричке. Они хотят иметь друга для игр, им нужен сверстник рядом, единомышленник. Конечно, на самом деле дети не догадываются о тех проблемах, которые обязательно возникнут, если их желание станет явью. Они не подозревают, что сначала маленькие братики и сестрички ничего не умеют и ни с кем не играют, что мамы будут заняты именно этими вечно плачущими младенцами и будут практически всегда говорить: «Не сейчас. Поиграй один. Мне некогда...». Зато это знают мамы.

Когда сын был маленьким, он мечтал о брате. Мечтал всей душой и ежедневно правдоподобно рассказывал всем истории про него. В мечтах брата звали Кирюшкой. И вот этот Кирюшка вместе с Лёником ел кашу, смотрел мультики, ходил гулять, играл. В общем, что он только ни делал, по словам моего сына. Он придумывал истории и очень убедительно их рассказывал. В то время я водила детей на массаж. Лёник заходил в кабинет к одному врачу, Надя заходила в другой кабинет к другому врачу, а я оставалась в больничном коридоре ждать их. Когда десятый сеанс закончился, и я забирала медицинскую карту сына у его массажиста, врач сказал мне:

– У вас хороший мальчик. Разговорчивый. И вообще у вас очень дружная семья. Не так часто сейчас бывает, когда трое детей в одной семье.

– Трое? – переспросила я.

– Ну да. У Лёни же есть брат Кирилл и сестра.

Я не стала опровергать фантазии сына, да и с ним потом не говорила на эту тему. Я с двумя-то детьми ничего не успевала, у меня не было физических сил родить и воспитать третьего. И потом я прекрасно знала, что появившись у нас Кирюшка, сын стал бы к нему ревновать. А я только-только справилась с ревностью Надьки и хотела передышки.

Пусть фантазирует, решила я, раз ему так хочется. И сын фантазировал. А однажды дофантазировал до очень интересных выводов. Тогда ему было лет пять.

Был летний выходной день, и мы его успешно прогуляли. Дети набегались, напрыгались и захотели есть. Недолго думая, мы все пошли в «Макдональдс», потому что дети всегда там едят. Их папа купил всем чизбургеры, картошечку-фри и молочные коктейли. Лёник традиционно вытащил из своего чизбургера соленый огурец и стал жевать булку с котлетой без него. Он жевал активно и вдруг замер. Я проследила за его взглядом – за столиком напротив сидели мужчина с двумя мальчиками-близнецами, и было этим мальчикам около пяти лет. Лёник смотрел долго и внимательно, потом, ничего не сказав, продолжил есть свою булку. Вечером же, когда все уже собирались спать, он подошел ко мне и тихо сказал:

– Ты его потеряла?

– Кого потеряла? – спросила я, пытаюсь вспомнить, что я могла забыть.

– Ну его. Еще одного мальчика.

– Какого мальчика? – удивилась я, ничего не понимая.

– Такого же, как я, – тихо ответил сын.

– Лёник, я ничего не понимаю. Я не теряла мальчиков.

– Я сам видел. Всем дают по два, – упрямо сказал он.

И тут я вспомнила его застывший взгляд на близнецах и поняла – сын подумал, что и у него был брат-близнец, а я такая Маша-растеряша его потеряла. Первые минуты я не знала, что сказать, как оправдаться в несовершенном преступлении. С одной стороны, это было смешно, далеко не каждый до такого додумается, с другой – в голосе, словах сына слышалась трагедия.

– Сынок, милый, честно-честно у меня был сразу только один ты, – сказала я как можно искреннее.

– Нет, – вздохнул сын, – я видел, всем дают по два одинаковых, а ты потеряла.

Это обвинение – самое серьезное обвинение для мамы в мире. Ведь редко мамы теряют мальчиков и не помнят об этом. Я долго убеждала сына, что он один, что один мальчик в семье бывает чаще, чем два одинаковых. Но желание иметь брата и запомнившийся образ близнецов не отпускали его. Всем дают по два одинаковых – в это так хотелось верить. И я тогда чувствовала, насколько сильно он хотел этого брата, и я даже ощущала свою вину в том, что этого брата у него не было.

Нет, у нас так и не появился в семье второй мальчик. Но я старалась сделать так, чтобы сестра и брат стали друзьями на всю жизнь, чтобы никогда не завидовали друг другу и не ревновали. И это получилось, потому что мамы могут все, когда очень хотят. Для нас нет невозможного, если это касается наших детей. Проблема лишь в том, чтобы это было на самом деле нужно детям.

Глава 7

Непохожий ни на кого

Вы замечали, что все люди разные?

Есть люди как солнышко, рядом с ними всегда тепло и всегда хочется улыбаться. С ними можно посмеяться, а можно поплакать, с ними можно поделиться секретом, а можно просто молчать и чувствовать единение. И к ним всегда хочется возвращаться.

Есть люди как грозовые тучи. Они всегда недовольны, и ты слышишь раскаты их грома. С ними пересекаешься случайно, потому что к таким не хочется возвращаться.

Есть люди как летний дождь. Они иногда ворчат, но редко и не обидно, так они сетуют на жизнь. Бывает, у них есть даже основания для этого. А иногда у них хорошее настроение, и с ними приятно гулять, смотреть на облака и спрашивать совета.

Есть люди как ветер. Они не сидят на месте, их манят дальние страны, они много видели и умеют об этом рассказывать. С ними интересно, но к ним сложно возвращаться, их нет на месте. Зато их помнишь всю жизнь.

И тот факт, что взрослые люди разные, ни у кого не вызывает сомнений. Это почему-то известно всем. А вот тот факт, что все эти разные люди выросли из разных детей, не каждому приходит в голову.

Часто детей предпочитают одинаково воспитывать, ставить перед ними одинаковые задачи и ждут, что они их одинаково будут решать. Детям редко позволяют быть разными. Даже мамы часто поступают так.

Мамы любят сравнивать своих детей с детьми подруги или начальницы, а потом стараются, чтобы их дети были такими же или лучше. Если у подруги дочка Маша занимается художественной гимнастикой, то мама ночи будет не спать и думать, как сделать так, чтобы и ее дочка Вика занималась этой же гимнастикой. После того, как и Вику отдадут в гимнастику, мама будет ночи не спать и думать, как сделать так, чтобы Вика стала более успешной гимнасткой, чем Маша.

К сожалению, мамы часто видят своих детей через свои амбиции. Признать, что твой ребенок не гимнаст – это большой шаг навстречу своему малышу. Но еще больший шаг – узнать, что именно умеет делать твой малыш. У каждого в этом мире есть свой талант, свои способности. Они могут быть маленькие, но они есть. И мамы должны стараться видеть способности своих детей, а не сравнивать их с кем-то.

А еще надо знать, что если твой ребенок не такой, как все, то значит, он просто особенный. И таких детей надо растить осторожно, потому что понимать их – навык, который появляется не сразу. Но научившись этому, ты сможешь заглядывать в их удивительный мир. А еще ты поймешь, что на этот мир можно смотреть совсем иначе, необычно, и от этого наш мир не перестает быть нашим.

Мой сын Лёник всегда был фантазером, и он иногда путал свои фантазии с реальным миром, как он путал два первых школьных года русский алфавит с английским в написании. А еще он воспринимал наш мир на свой манер. Нет, он все делал строго по правилам, настолько строго, что обычные люди не могут такого даже вообразить.

Когда он ходил в сад, ему было три года, я пыталась с ним учить названия детенышей животных. Это же очень просто запомнить, что у кошки – котята, у собаки – щенята, у козы – козлята, у коровы – телята, у курицы – цыплята... У нас была красивая картонная книга с картинками, я сажала сына рядом в кресле, брала эту книгу и, показывая на ту или иную иллюстрацию, спрашивала:

– Кто это?

– Корова, – отвечал сын безошибочно.

– А как зовут ее деток? – спрашивала я, показывая на двух телят рядом.

– Надя и Лёня, – отвечал сын.

– Сынок, они – телята, – поправляла я.

– А зовут их Нядя и Лёня, – добавлял он.

Я не отчаивалась, переворачивала страницу, показывала на кошку и спрашивала:

– Это мама-кошка, а кто ее детки?

– Надя и Лёня, – уверенно отвечал сын. Он искренне считал, что деток зовут только так.

Тогда я выбирала картинку, где были собака и три щенка, и спрашивала:

– А как зовут деток у собаки?

– Надя и Лёня, – отвечал сын, тыкая пальчиком сначала в изображение одного щенка, потом в другого, а на третьем немного помолчал и сказал: – И Кирюшка.

Одним словом, двух первых всегда звали Надя и Лёня, если детенышей на картинке было больше, то вспоминались имена друзей. И это был замкнутый круг. Позже сын научился ожидаемо отвечать на вопросы взрослых. Но это не означает, что другие его ответы неправильные или что наши вопросы корректны.

Лёня заканчивал первый класс. Самый трудный класс в жизни каждого ребенка. Трудно оставаться на месте, когда ты уже просидел ровно 15 минут. Трудно выводить буквы, когда рука тебя не слушается. Трудно покупать пирожки в буфете, когда ты маленький и незаметный. Трудно запоминать имена одноклассников, когда их так много. Трудно находить свой кабинет, когда все двери похожи. Трудно даже завязывать непослушные шнурки на сменной обуви. А тут еще мама, которая советует, проверяет и наставляет, которая ждет успехов, а до успехов еще учиться и учиться.

Маму тоже можно понять. Она волнуется. Гораздо проще ходить в первый класс самой, чем отдать туда своего ребенка. Мы думаем, что нашего малыша посадили слишком далеко от доски, что наш малыш лучше бы усваивал материал, сиди он ближе к окну, что он отвлекается на красивую соседку Дашу, и поэтому ее надо пересадить подальше. Мы всегда сами записываем домашнее задание, почему-то считая, что наш ребенок не записал, не запомнил или сразу собрался водить нас за нос. Мы сами собираем ему ранец или рюкзак, почему-то веря, что иначе он точно не возьмет пропись, пенал или спортивную форму. И почему-то мы считаем, что если это вдруг произойдет и ребенок что-то не сделает или что-то забудет, то случится мировая катастрофа. Никак не меньше. Мир просто перевернется или остановится. Мы забываем, что когда-то сами не были вундеркиндами, что мы иногда что-то теряли, не делали, забывали или вообще прогуливали. Мы искренне считаем, что нашим детям нельзя позволять допускать промахи. Одним словом, к концу первого класса устают обычно все. А мамы – больше всех.

Лёник вполне успешно справлялся с учебой. Он, конечно, не сразу ко всему привык, но уже знал, что его первую учительницу зовут Татьяна Васильевна, что его класс на втором этаже и что пирожок в буфете стоит «пять рублей и сдача».

На самом деле пирожок стоил 3 рубля 20 копеек. Но почему-то сын, умея считать и решать задачки, отказывался применять этот навык в школьном буфете. Возможно, он волновался, так как надо было успеть купить пирожок и съесть его за перемену, а не так-то просто пробраться к прилавку Марьи Ивановны, когда ты учишься лишь первый год, а твои перемены совпадают с переменами старшеклассников. Но, уходя утром в школу, Лёник всегда просил пять рублей. Он брал исключительно пятерки и никакие другие купюры.

Как-то утром он сказал:

– Мама, дай мне два раза по пять рублей. Я хочу купить два пирожка.

– Если тебе дадут два раза по пять рублей, то ты сможешь купить три пирожка, – вмешалась в диалог Надя, которая училась в четвертом классе в этой же школе и, естественно, уже хорошо знала цены в буфете.

– Нет, – ответил он, – я не знаю, как у вас в классе, но у нас пирожок стоит пять рублей и сдача.

Первый класс подходил к концу, мы уже ждали каникул и строили планы на лето. Осталось лишь написать финальный диктант.

Диктант был, естественно, малюсенький. Всего пару предложений, но для первоклассника – это был диктантище. Кроме того, сын первый раз писал под диктовку и справился весьма своеобразно. Как сказала Татьяна Васильевна, учитель с 30-летним стажем, она впервые столкнулась с таким написанием.

Одним словом, диктант был про лосей, которые жили в лесу. И там была фраза, что лоси вышли на опушку леса и стали глодать кору осин. Когда я посмотрела работу сына, то прекрасно поняла, что его воображение, слушая слова учителя, уже рисовало картинку и он просто ее описывал. Именно поэтому он написал: «Лоси вышли на опушку леса и стали обедать».

Это, конечно, смешно. Но ведь ребенку надо как-то объяснить, что в диктанте важно писать именно те слова, которые произносит учитель. Идя домой, я решила поговорить:

– Лёник, у тебя в диктанте неточность. Надо было писать, что лоси вышли на опушку леса и стали глодать кору.

Сын посмотрел на меня и ответил:

– Я так и написал.

И вот что с этим делать? А ответ прост, с этим маме делать ничего не надо. Это дело учителя, и, если ему не мешать, он справится. Да, сразу диктанты на отлично не будут написаны, но в учебе важна не отметка «пять», а важно умение в итоге писать под эту диктовку. И не мы, не мамы, учим детей, и не надо мешать процессу с благими намерениями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.